

Денис ЗЛОБИН (о. Дионисий)

С ЛЮБОВЬЮ К ДОНБАССУ, И КУЗБАССУ, И ВСЕМУ ОТЕЧЕСТВУ

В честь 70-летия со Дня Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, в ознаменование 73-й годовщины со дня возникновения Кемеровской области и 20-летней годовщины образования Кемеровской Епархии в составе Русской Православной Церкви, посвящается бойцам 383-й Шахтерской стрелковой дивизии, оборонявшей Донбасс от немецких захватчиков, а также всем шахтерам и труженикам угольной промышленности Кузнецкого края, ковавшим Победу в годы войны.

*Спят курганы тёмные, солнцем опаленные,
И туманы белые ходят чередой.
Через рощи шумные и поля зеленые
Вышел в степь донецкую парень молодой.*

МЕДОВЫЙ СПАС, ИЛИ БУДЕМ ЖИТЬ!

Хочу поведать вам историю об одном человеке, который приходился дедушкой моей супруге. Говорю о нем в прошедшем времени потому, что двадцать лет минуло, как его не стало. Все, что мне о нем поведали его сын и внучка, есть подлинная правда. Все их рассказы, воспоминания самого дедушки я упорядочил и связал в одно повествование. Эта история, как мне кажется, очень русская и шахтерская. Судьба Михаила Кузьмича Манаева удивительная, сложная, грустная, местами драматическая, а в итоге счастливая. Человек, подобный ему, способный преодолевать скорби, находить в себе силы жить, трудиться, обречён стать счастливым. Вот почему это повествование можно назвать «Будем жить!» (в качестве жизнеутверждающего девиза) или же – «Медовый Спас».

Он был потомственным шахтером, в юности трудился на Донбассе. Воевал в 383-й Шахтерской стрелковой дивизии, мобилизован в Кузбасс как специалист угольной промышленности. Прежде чем изложить эту историю, скажу, что в силу любви моей супруги к дедушке взялся я за повествование. «Дедушка!» – с восторгом вспоминает она. И сколько в этом слове заключено для неё приятного и благодарного впечатления. Она часто повторяет, что

никто так не повлиял на её характер и, следовательно, на её воспитание, как дедушка. Он был для неё стареньким, немощным и усталым ангелом, милосердием которого согревалась её детская душа.

I

Дедушка Михаил родился в семье Кузьмы Павловича и Матроны Манаевых в 1914 году в селе Барсучье Ровенского района Воронежской области (ныне Белгородская область). Когда он был ещё младенцем, скончалась его мать Матрона Польшникова (это её девичья фамилия). Она взяла его в кровать, обняла по обыкновению, поцеловала и умерла. Мальчик напугался оттого, что она сдавила его своим весом – не было сил дышать. Он закричал. Прибежали родные, подхватили маму, но было поздно: маму к жизни не вернуть. Началась паника, вопли. Мишутка навсегда запомнил омраченный горем взор отца. Кто знает, от чего она умерла, вследствие болезни ли или от сердечного приступа.

Больше года вдовствовал отец. Потом досталась Кузьме жена Ефросинья – молодая и красивая. Нрав её был гордый, властный и сильный. Тут Мишутка и узнал, почему у листика растения мать-и-мачехи одна сторона теплая, а другая холодна... Ефросинья родила отцу шестерых мальчишек, души в них не чаяла, а вот Мишутку будто недолюбливала. В чем он провинился – теперь не узнаешь: то ли характер ей его не нравился; а может она, не сознавая, руководствовалась простой слепой женской ревностью. У некоторой женщины так бывает: она, завладев мужчиной, который когда-то был женат и овдовел, не может смириться с тем, что он в прошлом принадлежал другой, любил другую и та ему рожала, а потому отзывается ревностью, причем болезненно, и возмещает свою ревность на ребенке от той – первой женщины. И эта её ревность едкая, если не ядовитая, и лукавая; а лукавая оттого, что женщина зачастую не может понять, что приводит в движение это чувство. Когда же поймет, откуда это чувство, то не хочет принять.

Все детство Мишка вкалывал. Он помогал мачехе ухаживать за детьми. С утра бежит пасти корову. Годы были голодные, коровку надо сторожить, чтобы чужие не зарезали или, в лучшем случае, не выдоили молока. Мачеха посылала его в поле или пастбище часто голодного и холодного. Голод все детство сопровождал его. Ночью надо пеленать и убаюкивать братишек меньших. Он просто не высыпался и днем валялся с ног. Но ведь иначе тогда нельзя было жить. Страна пережила революцию, Гражданскую войну. Кое-как пережили голодный 1921 год. Накатывались суровые тридцатые. И мачеха была не столь виноватой, что он голодал и боролся за каждый кусок хлеба. Тогда все голодали. Для Мишки такая жизнь послу-

жила наукой. Он ещё долго надеялся, что мачеха согреет его детскую душу лаской матери, что он, ни разу не преступивший её заповедей, найдет в её сердце отзвуки любви, но она так и осталась к нему холодна, а отец безучастно смотрел на их отношения. Дедушка вспоминал о мачехе Ефросинье с сожалением, пеняя не столько на неё или отца, сколько на обстоятельства. Мудрость научила его не винить вторую маму. Она от жизни хлебнула больше горечи, как оказалась, чем он. Папа имел неосторожность покритиковать местное начальство, за что в тридцать седьмом был арестован и сгинул в лагере «Богословские копи» Свердловской области, а шестерых мальчишек в войну немцы на глазах у Ефросиньи расстреляли.

В шестнадцать лет Мишка ушёл из дому, когда отношения с мачехой зашли в тупик. Надо было начинать самостоятельную жизнь и кормить себя. Отправился в Донбасс. И тут его настигло тяжелое испытание: по дороге он разболелся. Мишка не сразу осознал, что недуг серьезный и опасный. И в первые дни не придавал значения острой боли в животе, потом она стала невыносимая. Организм отторгал пищу. Началась лихорадка. Вот когда смерть и заглянула пареньку в глаза! Его наспех погрузили в телегу и повезли в городскую больницу. Мишка смутно смотрел по сторонам и видел, как попадающиеся на пути люди расступаются, спешат отойти подальше, вздыхая, говорят: «Зараженного везут; видать, помер». Кто-то крестил себя, потом его. Лошадью понукал возница – старичок лет семидесяти в потертой сермяге, соломенной шляпе. Дымя самокруткой, он то и дело оборачивался на Мишку, пытался с ним заговорить:

– Держись, казачок! С Божией помощью доедем до больницы. Лошадь у меня хиленькая. Говорю старосте: «Лошадь мне нужна сильная». А он мне: «Другой нэма, сам запрягайся и кати свою телегу». Маленький он человек! А вот доктор Илья Трофимыч – большой человек, человечисше! Давеча возил к нему такого же доходягу, как ты, но тот спасти его не смог. «Поздно хватились», – говорит.

Голос старика скрипел, как колеса его телеги. Временами голосовые связки отказывали ему, от чего старик заикался и кричал. Лошадь буксовала, качалась в затопленных лужами низинах то влево, то вправо, норовя сойти с дороги, чем вызывала в нем раздражение:

– Э-э-э! Ну шо она делает?! Ух, треклятая!

Старик начинал рассказывать про старосту, какой тот странный человек, потом про своих родных. Мишка, не в состоянии вникнуть в содержание рассказа, безмолствовал. Внезапно терял сознание и так же пробуждался.

Было теплое ласковое утро, обещающее хороший солнечный день. Кругом – бескрайняя степь.

Одинокие деревья стояли в стороне, как застывшие, засмотревшиеся путники. Далеко виднелся донецкий кряж, затянутый лиловой дымкой. Солнце стремилось к зениту. Воздух был прозрачен и свеж после ночной грозы. В лазури неба, в сочной ещё зеленой ржи и высокой придорожной траве пели птицы. Тут и там дорогу перебежали кулици, чибисы. Суслик выбегал и останавливался посреди дороги, приподнявшись, изучал надвигающуюся повозку, а потом, как ужаленный, подпрыгивал, поднимая пылинки и клочки травинки, мгновенно исчезал в придорожной ржи, откуда, притаившись, продолжал свое наблюдение. Какие-то птицы застывали в воздухе и удивленно смотрели на движущуюся повозку. Сверху безразлично взирал парящий коршун, плавно взмахивая крыльями. Все живёт, все движется, все имеет свое продолжение – ветерок, травы, деревья, птицы. Все жительствоует, а он, Мишка, умирает. «Как мне хочется жить!» – в бреду думал он.

– Вот кукушка-то раскричалась, разошлась. Пущай насчитает тебе, хлопец, жить сто лет, – узнает он голос старика.

Дедок монотонно распевал песню: «Ох, не кукушка во сыром бору, во сыром бору, вскуковала во сыром бору...» Лошадь вострила уши, слушала, как тот поет.

Солнце, парящий коршун, щебечущие птицы, старик из сознания смываются, тают и исчезают. И теперь Мишка в бреду видит, как в стороне стоит отец, почему-то один, провожает взглядом повозку. Отец что-то хочет вымолвить, но не может, приподнимает на прощанье руку. Мишка силится махнуть ему в ответ, вслушаться в слова, но безрезультатно: речь отца ему кажется невнятной. Отец исчезает, и теперь он видит мачеху Ефросинью с ребятишками. Младший братишка срывается с места, бежит за телегой, но не догоняет, оступился и упал. Ефросинья закрывает уста ладонью: Мишка знал, что так она делает тогда, когда плачет. По небу как будто распространяется мгла, зарождается буря, и уже грохочет гром. Мачеха, ребятишки исчезают. И вот он видит, как над ним склонилась мама, все такая же молодая. Она улыбается, целует его в лоб и идёт рядом с повозкой. Он тянется к ней: ему много надо ей рассказать, да пожаловаться, да расспросить. Она исчезает, и вновь Мишка видит солнце в зените и парящего коршуна. «А может, не следует держаться за жизнь, – думает он, – отрешиться от тела и полететь к солнцу в небеса? Превратившись в птицу, метаться с жаворонками или вместе с тем коршуном, подружившись, взирать на землю?»

В больнице Илья Трофимыч, здоровенный мужик, осмотрел, прощупал его.

– Ну что, милоч? У тебя тиф, – обратился он к Мишке.

Он помыл руки и, возвращая полотенце медсестре, сказал ей по-простому, даже несколько, как показалось Мишке, весело:

– Брюшной. Надо спасать парня. Дело плохо. Руки его видела? Его искушали крысы.

И только теперь Мишка увидел на своих руках язвы.

Следует сказать, что работники больницы боролись за Мишку: его отмыли, поили микстурами, носили на руках, кормили. Кушать он не хотел. Организм отвергал любую пищу. Он часто терял сознание. Его из своих рук кормила Варвара – молоденькая, добрая, милая девушка, обожаемая всеми больными, чуть старше Мишки. Он есть не хотел, отказывался, просил пить.

– Ну, Михаил, кушай, пожалуйста, – умоляла она его. – Я сама готовила и приправила чесночком.

Он открывал рот, глотал, потому что не хотел её огорчать. Каждый раз Варвара приправляла еду новыми компонентами, чтобы в организме паренька проснулся аппетит. И аппетит вернулся, а за ним и силы. Он выжил, встал на ноги.

– Ну и напугал же ты нас, Михаил Кузьмич, когда тебя привезли обморочным, – радостно обращался к нему доктор. – Скажи спасибо своему организму. Он у тебя молодой и сильный. Надо, Мишка, жить! Надо!

II

После выздоровления он достиг городка Горловка, называемого в старину Корсуньской копью, что в Донбассе. Устроился на шахту со звучным именем «Кочегарка», где когда-то работали его дедушка и отец. Там, в подземелье, в лаве, таких юнцов, как он, способных из-за малого роста влезть в любую дыру, впрягали в небольшие повозки, груженные углем. И он, как вычное животное, на четвереньках тянул тележки на поверхность. В результате в юные годы повредил ключицы и колени. Ключицы срослись, но вот колени в поздние годы болели. Благо, его перевели в коногоны. С какой благодарностью и жалостью дедушка рассказывал о лошадях, которыми управлял. Эти бессловесные животные настолько верны и послушны человеку, что сошли с ним в недра земли, разделяя с ним тяжелое, опасное шахтерское ремесло. Мишка мужал, набирался ума. Шахтеры его как собрата уважали. Стали водиться у него деньги, хоть и небольшие, но на пропитание хватало. Приоделся. В 1936 году он уже вступил в профсоюз. Ростом он вымахал выше среднего. Теперь он был удал и крепок. С виду его признавали за малороса. Он не заметил, как мужики стали его называть не Мишкой, а Михаилом. Частенько величали Кузьмичом. Он весь погрузился в мир шахты, в шахтерские отношения. Бывало, заспорит с товарищами крепким

словцом, как положено в среде шахтеров, – как надо подбочиться к вагонетке, как надо махнуть кайлом, как придержать лошадку. Спорит, как будто от того зависит все производство шахты и сама жизнь. Однажды он видел Стаханова. Тот приезжал к ним: смотрел, как идут дела. Шахта послужила Михаилу главной школой, более того, самой жизнью, семьей. Шахта, шахтерское братство для дедушки всегда были главными критериями, которыми он измерял мир, людей. Он уважал всех рабочих, что прошли через шахту. Другие же, не прошедшие через неё, для старенького дедушки были не интересны. Помнится, сядет он у телевизора, посмотрит, послушает, махнет рукой и кричит в экран: «В шахту всех их надо! В шахту плясунов, певцов, болтунов. В шахту!».

В шахте он освоил все профессии. В 1938 году, в 24 года, он заметил молоденькую казачку, дочь шахтера Марию Прокопьевну Воробьеву. Все ходил кругом да около, робел, думал-думал да и пошёл свататься. Горняк горняка за версту видит, с полуслова понимает.

– Свадьбе быть! – утвердительно высказался отец девушки.

Михаил на радостях побежал к себе думать, как братья за дело. А Прокопий всплакнувшей жене сказал:

– Парень серьезный, крепкий и проверенный. Нечего тут слезы тебе лить!

Сказано – сделано! Свадьбу сыграли скромную. Мария была хороша собой, сама не зная того. Поначалу боялась Михаила, но прижились и полюбились. В 1940 году родила ему сына – Андрюшку. Получили комнатку для жилья. Вот оно, долгожданное счастье, и обрушалось на него! И казалось, что не будет тому счастью предела, и нет той силы, что омрачит его и нарушит!

III

22 июня 1941 года на шахтерской площади через динамик услышали, что началась война. Повестки в армию пришли почти в каждую шахтерскую семью. Потянулись очереди к военному столу. Михаил не исключение: отправляется на фронт. Женщины и дети – в слезы. Михаил на прощанье целует жену, ребенка и уходит на вокзал, где формировались военные эшелоны. Доехали до поселка Сталино (ныне Юзовка). Там за 35 дней была сформирована 383-я Шахтерская стрелковая дивизия. Командовал ею полковник Провалов. 30 сентября Шахтерская дивизия вошла в состав 18-й армии Южного фронта и тут же была брошена на оборонительный рубеж Гришино – Солнцево – Трудовой. С 14 октября начались военные действия. Шахтеры держали рубеж пять дней при полном господстве в небе вражеской авиации. Немцев и итальянцев

в том направлении погибло три тысячи. В Шахтерской дивизии потери составили полторы тысячи человек.

Бои выматывали горняков. Отдыхали по ночам. Вспоминал дедушка, как лежал навзничь в окопе и смотрел в ночное небо. Оно было усыпано звездами голубого цвета. Оно было торжественно и приводило душу в восторг, манило своей загадочностью, и страшило величием. В небе царствовала луна, покрытая бесформенными, замысловатыми, зелеными пятнами. Воздух был чистый, свежий и даже теплый. Пытаешься сосчитать в созвездиях звезды и, как напрягаешь взор, замечаешь, что за привычными блестящими точками проявляется новая россыпь светил, за нею другая, третья; и тогда понимаешь, что сосчитать их невозможно; что этот мир не объять и не познать. Небесные светила смотрели ему в лицо, а он думал: «Какая вечная красота! Зачем мы, люди, вместо того чтобы эту красоту созерцать, воюем и убиваем друг друга?» В лунном свете отчетливо проявлялись заградительные редуты и сооружения. Они выглядели зловеще. Луна и звезды теряли силу своего света, когда над редутами вспыхивали сигнальные огни, всполохи которых расстраивали небо тревогой, и на сердце становилось так же тревожно, прежде всего за жену Марью и сыночка Андрюшку, потом за себя и за родину. И он погружался в томную думу. Вспоминал, как в это время он вместе с Машей укачивал детскую кроватку. Она вполголоса напевала ребенку: «Всегда я везде за тобою, как призрак, хожу и с тайною думой порою в милые очи гляжу...». Машеньку он когда-то заметил прежде всего потому, что она дивно и задорно пела казачьи песни, столь любимые им. Он её не увидел, а услышал. Вспоминая вечера, проведенные с нею и ребенком, он невольно улыбался звездам. И в той улыбке не было радости столько, сколько отчаяния: нет полноты счастья, но лишь обрывки его.

С 18 октября дивизия стала отступать к Сталино (Донецк), потом к рубежу Донск – Батайск. Надо сказать, что Шахтерская стрелковая дивизия никогда не отступала с занимаемых позиций без приказа командования, служила примером мужества и стойкости для всей Советской армии. 17 октября 1941 года пришёл приказ № 21 от командующего Южного фронта генерал-полковника Черевиченко: «Объявить 383-й Шахтерской дивизии и входящим в её состав стрелковым полкам, 149-му, 694-му, 696-му, 690-му, благодарность. (В Донецке есть мемориальная доска на здании ДК имени Франко, в котором размещался штаб 383-й стрелковой дивизии в августе 1941 года.) Как ни странно, но полк, в котором служил дедушка, несмотря на героические оборонительные действия Шахтерской дивизии и сведения, поступающие от линии фронта, так и не столкнулся с фашистами вплоть до декабря. Де-

душка, вспоминая, разводил руками: «Мы вечером только окопаемся, приготовимся к бою, как на утро поступает приказ: оставить позиции, то есть отступить. Я даже под бомбежку не попал, а немцев и в глаза не видел, хотя в окопах лежал».

Дедушка не любил рассказывать о войне, поэтому ничего более к изложенному периоду прибавить не могу, но сохранилось ясное воспоминание о том, как в декабре в Шахтерский полк нагрянул высокий военный начальник. Приказали выстроиться, рассчитаться на первый – второй. Все, кто назвались вторыми, сделали несколько шагов вперед, как приказал высокий чин. Михаил Манаев был среди вторых. Потом приказали вторым, оставив оружие, шагать колонной на железнодорожную станцию. На станции высокий чин зачитал приказ: «Указом ЦК ВКП из отдельных бойцов Красной армии 383-й Шахтерской дивизии вы мобилизуетесь в шахтерские резервы следующих угольных регионов Советского Союза, а именно в Кондомский, Томь-Усинский, Мрасский и Кузнецкий. Приказываю грузиться в вагоны!» Многие ничего не поняли, получив паек, взбирались в вагоны.

– Куда едем, хлопцы? Не понял! – кричали в вагонах. – Зачем?!

– По крайней мере, ребята, выживем, – обратился какой-то паренек к товарищам.

– Это значит, что линия фронта для нас будет проходить в другом месте, хоть и в тылу, при других обстоятельствах, и работать придётся с удвоенной силой, до потери пульса, во имя победы, – рассудил старик и протянул ему руку. – Полезай-ка в вагон, казачок. Что ты сделаешь для своей страны, чтобы разбить фашистов? Этот вопрос должен каждый задать сам себе.

И помчался эшелон что есть мочи.

– Прощайте, первые! – крикнул кто-то.

В душном курящем вагоне под стук стальных колес Михаил думал о семье, о своей будущности. Мозг точила протестующая мысль: почему нельзя было взять с собой жену и ребенка? Что с ними, как они живут?! Он часто с фронта писал домой, но ответных писем не дождался. Нет ничего мучительнее, как находиться в неведении. На фронте он узнал, что несколькими неделями позже, как он уехал, жителей Горловки срочно эвакуировали. Шахта, где он работал, затоплена. И в то же время в город вошли немцы. Он ясно представлял, как горит его город, пылают дома, в окнах метаются люди, все превращается в прах, пепел, в нечто непоправимое, и гибнет все, что так дорого его сердцу. От этих тревожных мыслей он приходил в отчаяние. И все его товарищи думали о том же: о своём заветном доме. В вагоне – тоска и тревога. В темноте с легким украинским акцентом прозвучали странные, непонятные слова, удивившие Михаила: «Живый в

помощи Вышнего, в крове Бога небесного водворится...» Михаил сообразил: кто-то молится. Сам он не верил в Бога. Верил в Родину, Сталина, армию, верил в Машу и Андрюшку. Странные слова он принял не враждебно, но спокойно и с некоторым одобрением. Поезд останавливался один раз в сутки на четверть часа, чтобы поели шахтеры. Ели наспех, и вновь в вагоны, и в путь. «Везде был конвоир, так что местные нас принимали за зеков, которых гонят по этапу да в Сибирь», – вспоминал дедушка.

IV

Кузнецкий край донбасскую братию встретил крепкими рождественскими морозами. Дедушка оказался в Ленинске-Кузнецком на шахте имени Ярославского. Работал коногоном, подземным запальщиком. Вкалывали не покладая рук по двенадцать часов в сутки, без суббот и воскресений, без праздников. В шахту шли все – уцелевшие мужчины, женщины, дети. Ещё не взошедши солнце, спустились в забой, солнце возвращалось «восвояси» – поднимались на свет Божий и по темну шли домой. Некогда было даже подумать о прежних временах. Установленный режим не позволил Михаилу загрустить. Хотя однажды он закручинился, в 1944 году. Пришёл конверт из родимых мест. Его вручил политрук. Михаил давно через профсоюз запрашивал информацию о судьбе своих родных в Донбассе. В письме сухо уведомлялось, что его Мария и сынок Андрюша во время эвакуации попали под бомбежку и погибли. Выжил только тесть. В глазах у Манаева потемнело. Он час просидел за столом в кабинете политрука, взъерошенный, мрачный, в окружении товарищей. Руками обхватил голову и поник. Письмо лежало на столе. Заглянул горный мастер: он давно разыскивал Михаила и нервничал оттого, что запальщик не на рабочем месте. Хотел было выругаться, но, заметив сдерживающий жест товарищей и лежащее письмо на столе, все понял. Потоптался и, вздохнув, махнул рукою, ушёл. Товарищи не знали, какие подобрать слова для Михаила.

В кабинет забежал машинист Алексей Степанов – хороший приятель начальника. Сообразил, что к чему, и, пожав всем руку, уселся нога на ногу, закурил. Человеком он был рассудительным, степенно разговорчивым, веселым. В нем чувствовалась сила духа, отчего он пользовался у горняков и машинистов большим авторитетом. Степанов любил между делом забежать и перекинуться несколькими словами с мужиками, узнать сводки, поступающие с фронта. Однажды ребята вывели о нем историю, как в 1937 году его арестовали энкавэдэшники по ложному доносу: якобы он, будучи машинистом, умудрился стать японским шпионом. Так вот, его год добры молодцы в СИЗО дубасили, тре-

буя подписаться под чистосердечным признанием или показать на товарищей, а он – ни в какую. Так и отпустили с миром седого и с переломанными ребрами. Начальство восстановило его в должности. Семье вернули дом. Теперь он управляет «особым» паровозом ФД21 и возит уголь в Новосибирскую область да в Сталинск (Новокузнецк).

– Сейчас загрузят вагоны. Василий нацепляет «коксовые» к эшелону и помчимся на запад, навёрняка в Барабинск, – между делом начал он.

– Как его звать? – спросил он осторожно у товарища. – Михаилом? Ага!

Подумав немного, он вздохнул, как вздыхают умудренные люди, покачал головой и сказал:

– Ты, Михаил, поплачь, но не унывай. Проклятая война! Сколько зла от неё. Надо, Михаил, жить...

– Как теперь жить-то? – поднял голову Манаев. – Как, ежели не хочешь более и мочи нет.

– А вот так, – загорелись глаза у Степанова, – вздохнул, встал и пошёл по жизни. На то воля Высшая.

Сказал и сам удивился, как мог помянуть Бога, вспомнил, что когда-то в детстве хотел стать семинаристом.

– Вот тебе плохо, жить не хочется, – он решительно придвинул стул к столу и обратился к Манаеву. – А я тебе расскажу, как я выживаю! Нет-нет! Не маши рукой! Я уже со счета сбился считать, сколько раз сгонял на своём «локотке» на запад в начале войны. Бывал на Урале. Уголь я вожу... на металлургические. Чаще всего перецепляюсь в Барабинске. Так вот, летишь на паровозе, а приказ такой – не останавливаться, что бы то ни было. Заводы Магнитки, Челябинска, Омска, нашего Сталинска куют танки на фронт: им нельзя ждать уголь. Уголь должен всегда вовремя поставляться! Приказ: не останавливаться! Так вот, летишь на всех парах и видишь, как по железке идут люди. Ты их нагоняешь, а они тебя не видят. Ты им в гудок раз, два, три, а они что – уши потеряли? Не слышат – и все тут! Останавливаться нельзя, а вдруг диверсия! Да ещё за твоим составом бегут другие эшелоны, как мураши. Им нет резона ждать! Ты притормаживаешь, хотя и этого нельзя делать. Ору им: «С дороги! Уйдите!!!» Нет, не слышат! И тогда давишь их, давишь!!! Только глаза закроешь и слышишь глухое «бум-бум!». Но это ещё только присказка. А вот, я тебе поведаю, как мы вкалывали в 41-м, и 42-м, и 43-м годах, когда наши отступали по всем фронтам. Нас тогда, самых лучших машинистов, по всему Союзу собрали и велели на запад рулить... Правда, технику дали отличную... Обижаться не следует... Видел моего ФД 21-го?.. Нет?!.. А ты вот сходи и посмотри... Вон там он стоит! Не паровоз, а зверь! С тех пор он у меня в распоряжении... Так вот в первые годы войны мы эвакуировали заводы, шахтовое

оборудование и население с той территории, где со дня на день немцы грозились нагрянуть. Вот, тебе скажу: беготня-то была. Только и подкидывай в топку! Местами я со своим составом под бомбардировку попадал. Во как! Но все обходилось – слава Богу! Тогда и вышел приказ: не останавливаться. Спешно заводы демонтировали и увозили в Поволжье да в Сибирь, где заново монтировали. Вот работка-то была! Вас, шахтеров из Донбасса, тащил сюда же. Сам помнишь, каково было! Но пока, дружок мой, вас вез, не ведаешь ты, сколько людей посбивали. Не до морали было! А самое ужасное было для меня, когда эвакуировал население – стариков да баб с детками малыми! Останавливались мы редко и не каждый день. Мчишься на восток, а они голодные и холодные в вагонах, не приспособленных для люда, трясутся. Много тогда страдало народа. Но и это не так страшно в сравнении с тем, что было дальше. Остановимся мы на пять, десять минут, чтобы народ по нужде сходил да продукты получил. Вот давка-то была!.. Бабы в круг соберутся, простынями закроются... сам знаешь зачем... Мужики так ходили по нужде, никого не стесняясь... Мрак – одним словом! Когда все опять взбирались в вагоны и трогались, то выяснялось, что не все бабы деток-то доглядели. Тогда такой стон да крик подымался! Мы мчимся, а потерявшиеся детки бегут за составом, ручки тянут и плачут. Бабы сигают из вагонов и бьются с риском для жизни. А что им оставалось делать? Сам понимаешь: в нашей огромной стране, если потерялся, то уже навряд ли найдешься, да в условиях войны. Ребенку только и оставалось, как в «приютские» записываться да ждать счастья. Бабы кричат: «Останови!», а мне да Ваське нельзя. Нельзя потому, как попятая следующие составы мчатся, а за ними немцы-изверги! Нельзя останавливаться – иначе трибунал и расстрел. Сколько я от этих баб, не досмотревших своих детей, наслушался проклятий... Как я им в глаза смотрел, знаешь ли ты, Михаил? Вот и спроси меня, как мне жить с этим?

Степанов вскакивает со стула и начинает ходить по комнате, нервно смоля папироску. Мужики таким его ещё не видели. Стараясь вернуть себе самообладание, после некоторой паузы он начинает чеканить слова:

– Стране нужен уголь. Вот этот черненький... Этот сок земли, эта кровь для жил наших заводов, добываемая, кстати, вами, горняками.

Успокоившись, он усаживается на свое место, ищет глазами того, кто одарит его новой папироской. Ему дают две. Одну он закуривает, другую кладет за ухо.

– Сколько было на моём пути горемык? В степи зимой собьются с пути, найдут железную дорогу и радуются, что по ней можно дойти до станции. Же-

лезная дорога – это же, действительно, жизнь. Но по ней иногда бежит смерть. И что они не прислушиваются, не оборачиваются? Одним словом – горемыки. Коров сколько посбивал! Но то – четвероногие, и то жалко! – он, улыбаясь, смотрит на мужиков. – Вот так вот, братцы! – Он замолчал.

– Ты спрашиваешь, Михаил, «как жить, ежели мочи нет?» – наклоняется он к Михаилу. – А я хочу спросить у тебя: как мне, мне жить? Ведь эти бедняги мне по ночам снятся. Молчишь? То-то дело. То не немцы, а наши, родимые бедолаги.

Потом он быстро встает, пожимает всем руку, спешит к выходу.

– Что-то я тут с вами заговорился, братцы! Пора мне наверняка. До встречи! – махнул рукою и ушел, по дороге сожалея, что рассказал много лишнего.

На его глазах проступают слезы. На улице рядом со своим составом он сталкивается с начальником погрузки и молодым лейтенантом.

– Степанов! Где тебя носит? – возмущается начальник.

Степанов тушует.

– Предъявите документ! – сделал отмашку, требует лейтенант.

– Да Степанов это! – убеждает начальник офицера.

– Так положено!

Степанов от растерянности не сразу находит в кителе удостоверение, показывает. Лейтенант убедительно кивает, вынимает из планшета два конверта и вручает машинисту. На конвертах написано: «Сталинск».

– Первый распечатывайте сей же час. В нем маршрутные путевые листы, а второй конверт – лично в руки товарищу начальнику железнодорожного узла города Сталинска. Приступайте к своим обязанностям!

– Слушаюсь! – отвечает Степанов и бежит к своему локомотиву.

– В Барабинск? – осведомляется второй машинист. – В Сталинск так в Сталинск! И то хорошо, что ближе дорога.

– Слухай, Васька, новый анекдот, – говорит Степанов. – Как-то раз по дороге в Москву тащатся индюки – Гитлер, Муссолини и Антонеску, а навстречу им танк Т-34, на котором написано Иосиф Виссарионович Сталин....

Через минуту воздух сотрясается оглушительным гудком паровоза. Состав трогается с места. Начальник погрузки в одиночестве провожает их угрюмым взглядом. Не нравится ему, как, проезжая мимо него, машинисты вздумали обдать его клубами пара. Случайно ли, или назло это они сделали, гадал он. «Вероятно, назло, – решил, – иначе зачем они в окне ржут во все горло; и лица у них такие довольные».

«Ничего, – соображает он, – ты у меня, Степанов, ещё побегаешь за мною, чтобы попутной конверт получить. Тогда я тебе и припомню твою физиономию, когда трубил здесь в гудок и паром метался».

Кабинет месткома пустеет. Все молча расходятся на свои рабочие места. Манаев идёт в забой. Жизнь начинается с чистого листа.

V

И дедушка нашёл в себе силы жить, трудиться. В Москве и по всем городам грянули салюты в честь Победы советского народа. Солдаты Красной армии, заводчане, хлеборобы и, конечно, шахтеры победили фашистов! Выстояли! Выстрадали! Теперь наступает пора восстанавливать страну и, конечно, налаживать личную жизнь. Приметил Михаил молодую женщину – Екатерину Полянскую, что работала медсестрой на той же шахте. Светлорусая добрая женщина с робким характером. Приехала она в Ленинск-Кузнецкий из Барнаула. Детство у неё несчастное. В двадцатые годы в село Белово, где жила её семья, заехали красноармейцы. Начались репрессии. Отец Екатерины – Илларион Полянский – участник Русско-японской и Первой мировой войн, уважаемый селянами казак, на тот момент работал старостой при сельской церкви. Красноармейцы изъяли церковное имущество, закрыли храм. Иллариона, его супругу и детей вывели на пустырь и закололи штыками. Зарыли на том же месте неглубоко, так что земля через некоторое время обнажала их растерзанные тела. Спаслись только братья Захар с Петей и малютка Катя: их успели забросить на чердак. И там, через чердачное оконце она видела все, что произошло с её семьей. Ужас от увиденного преступления и непонимание, почему так все произошло, навсегда поселились в её сердце. Вот почему она всю свою жизнь чего-то страшилась, боялась говорить о родных, о Боге. Екатерина сохранила фотокарточку своего папы – Иллариона, на которой чуть позже, по её просьбе, «страха ради смертного», фотограф-реставратор старательно затер на фуражке и кителе царские символы и ордена. Ребят воспитала и подняла на ноги тетушка. Они все получили хорошее образование. В Барнауле Екатерина вышла замуж за красавца-летчика Ивана Сысоева и родила сына Валу. Когда началась война, её муж тут же был направлен в военную авиацию, бомбил врагов. В воздушном бою сбит и погиб как герой. Екатерина долго оплакивала его смерть. Она все надеялась, что он выживет, все ждала во время войны и после. Суровая действительность не оправдала её надежд: мужа не вернуть. И теперь Екатерина, от самого замужества не подавшая повода ни одному мужчине, думала о своей доле: остаться ли вдовой

или писать свою личную жизнь с чистого листа. Приходил Михаил, вздыхал, когда видел её борения, слезы, – уходил и все же надеялся. Он был удал, спокоен, общителен, уважаем товарищами и тоже, как и она, покалечен судьбою. От него чувствовалась надежность, порядочность. Здравый ум подсказывал ей: «Смотри и не зевай, ведь за ним можно жить как за каменной стеной, а главное, он любит». Она внешне напоминала ему Машу. С малых ногтей до мужественного возраста и до самой старости он не пьянствовал, не распускал руки, не позволял себе выразиться грубым, нецензурным словом. Как рано он начал курить, так скоро бросил. Он далеко стоял от мелочей, капризов и неправд, что очень нравилось Екатерине. После войны вдов, желающих устроить свою личную жизнь, было много, но они имели меньше шансов перед молоденькими невестами, не обремененными детьми. Мужчин же было мало. Им легче связать себя с молоденькими девушками. Михаил мог взять в жены одну из них, но на сердце запечатлелся образ Екатерины. Он продолжал к ней ходить и вздыхать. Он надеялся и добился-таки её согласия. Она вышла за него замуж. Для Михаила Кузьмича наступило время личного благоденствия, когда бежишь на работу, общаешься с товарищами, а на сердце сладость от ощущения, что у тебя есть семья и тебя дома ждут, что ты кому-то нужен. Теперь и Екатерино сердце ему в ответ отозвалось любовью. Он же новую супругу и малого Валентина окружил заботой и достатком. В 1948 году в семье Манаевых родился мальчик. Его назвали Николаем. Сохранились семейные фотокарточки от 1953 года, где Манаевы вместе одной семьей (но без Вали), в окружении семьи Петра Илларионовича Полянского. Работал Манаев по-прежнему на шахте имени Емельяна Ярославского запальщиком, затем проходчиком, в с 1948-го – горным мастером. В 1954 году перевелся в шахту «Полысаевскую-Вторую» (т. е. «Октябрьскую»). Там же, в Полысаево, и поселился в небольшом домике. Трудился на шахте вплоть до 1977 года, когда его сын Николай уже женился на Татьяне Дмитриевне Донченко. Михаил Кузьмич и Екатерина Илларионовна всегда жили с ними. Дедушка никогда не унывал и жизнеутверждающе мыслит. Сидя на скамеечке, он ненавязчиво убеждал соседей и молодых простыми словами: «Надо жить и терпеть, трудиться и радоваться, иначе нельзя». Даже тогда, когда почил бабушка Катя, он не опустил руки, не сломался, но посвятил себя воспитанию внуков. Особым вниманием и теплой заботой он окружил Любу, свою старшую внучку. По вечерам, укладывая спать внучку, он усаживался рядом и читал или рассказывал по памяти ей сказки, будто он сам из сказочной страны. Днем,

когда уже жили в благоустроенной квартире, играл с нею в прятки, водил на прогулку. Любе трудно было представить свое детство без дедушки. Он часто ей рассказывал истории встреч с интересными людьми, о том, как тяжело ему жилось, как он болел, умирал и выжил. Она смотрела на него и думала: «Мой милый и дорогой дедушка». Потом родились ещё внуки Коля и Настенька. Настя почти не помнит дедушку. Когда ей было пять лет, он уже не мог ходить. Она просила поиграть с ним в прятки. Он, закрывая глаза, говорил: «Хорошо, беги, Настенька, прячься». Она пряталась за комод в спальне, а он сидел на месте, топал ногами по полу, имитируя шаги, говорил: «Прошёл по залу, заглянул за шкаф, но там нет Настеньки. Прошёл по кухне, заглянул под стол, но и там нет. Пойду-ка я в спальню посмотреть!» Настя, затаившаяся в своём углу, смеялся, стараясь не выдать себя. Ей казалось, что он проходил мимо.

VI

Все когда-то кончается. Каждому положено в срок покинуть этот мир. Дедушка слег, врачи были бессильны. Николай зашёл в молитвенный дом. На тот момент храм в Полысаево ещё не был достроен. Душа, предчувствуя утрату, просила помощи у Высших сил. Ноги сами привели его сюда. Помолился, посидел, вышел на крыльцо и тут услышал, как кто-то его окрикнул:

– Николай Михалыч! Вас не узнать, вы бледны! Что-то случилось?

Николай увидел священника Александра. Священник был одет не в церковное платье, а в рабочую одежду. Он много трудился на церковной территории, ведь завершилось строительство церкви. По роду своей профкомовской деятельности Николай был знаком с отцом Александром.

– Отец мой умирает, – вздохнул Николай.

– О! Его надо срочно напутствовать таинствами, – настоятельно сказал священник.

– Я предлагал ему, батюшка, – ещё раз вздохнул Николай. – А он мне: «Ты что вздумал?! Никаких попов мне не нужно!».

– Тогда сейчас же едем к нему! – потребовал отец Александр. – Садимся на мой мотоцикл и едем!

Николай хотел возразить, сказать, что все бесполезно, но, видя, как священник решительно зашагал к мотоциклу, последовал за ним. Доселе он не наблюдал в отце Александре такой прыти. Как правило, батюшка выглядел степенным; ходил медленно, как будто носил себя. И вдруг такая решительность.

Дедушка Миша не хотел верить своим глазам: перед ним действительно стоял священник. Он уди-

вился еще и потому, что священник был в робе. На робе ещё видны свежие следы строительных материалов. Он, к изумлению Николая, не сетовал, не роптал, не протестовал, но спокойно, даже с некоторым радушием пригласил священника присесть на стул.

– А почему вы не одеты в рясу? – спросил он.

– Так приходится работать не только кадиллом, но и лопатой и строительным мастерком, – ответил священник, радуясь, что завязывается разговор и его не прогонят.

– Я не думал, что вашего брата можно назвать трудягами, – озадаченно отозвался дедушка.

– Я пришёл вам рассказать о Боге, о церкви, о таинствах, – предложил священник.

Николай, убедившись, что разговор продолжится и дед не протестует, решил не мешать им, вышел, прикрыв за собою дверь. Два часа священник проговорил с отцом, вышел и с облегчением вздохнул:

– У-у-ух! Слава Богу! Дедушка согласился исповедаться и причаститься. Я помчусь в храм, переоблачусь и возьму Святые Дары. Через час обернусь.

– Батюшка, а чай пить? – предложила Татьяна.

Отец Александр уже бежал по ступенькам вниз. Он махнул рукой и, не оборачиваясь, крикнул:

– Не заслужил еще... через час. Ждите!

Николай зашёл к отцу и ещё с большим удивлением заметил, что тот плачет и улыбается.

– Хороший у нас батюшка, – сказал дедушка.

Николая удивляло все в отце: взор, улыбка, слезы и эти слова: «наш батюшка». Как он может стать для него «своим», когда тот его увидел впервые?

– Наш батюшка? – в растерянности спросил Николай.

– Я видел его руки... Они в мозолях. Спасибо, что пригласил его.

Дедушка с нетерпением ждал священника. Отец Александр его исповедал и причастил. Дедушка тепло попрощался с ним. Весь день он проплакал, но не от отчаяния, а от умиления.

VII

Молиться он не умел, да и поздно, считал. Просто, не отрывая глаз, смотрел на образок, оставленный священником. Что-то теплилось в его душе. Ему вспомнилась белая церковь, куда водила его малышом мама, потом мачеха. Дедушка даже вспомнил, как церковный праздник назвала мама Медовым Спасом. В храме пахло воском и, потрескивая, горели свечи. В полумраке они освещали лики святых. И эти лики строго смотрели на Мишутку. Мама беседовала со священником. Потом (дивное дело!) целовала ему руку и подводила Мишутку. Священник – старенький, с большою окладистой

бородой. Он полагал руку Мишке на голову и что-то читал в маленькой книжке. Мишка рассматривал пуговицы и узоры на его ризе, бороду. Мама стояла и с умилением смотрела на него, а он из-под руки священника на неё. Потом с мамой он подошёл к мальчику, что неподвижно стоял в длиннополой красивой одежде с подносом в руках. У мальчика лицо светлое, глаза большие. На подносе – круглые, красивые хлебцы. На них запечатлены святые с бородками, как тот священник, крестики и, как показало Мишутке, бабочки.

– Какую просвирку ты, Мишутка, выберешь? – спрашивает мать.

– С бабочкой.

– Бери! Глупыш, какая же это бабочка! – смеется она. – Это такой ангелочек. Вот как звать его, не помню... Ты знаешь, Тимоша?

И мальчик в длиннополом одеянии как будто оживает и говорит:

– Я ещё многого не знаю. Али его звать серафимом, али херувимом... Не помню.

На прощанье Мишка спрашивает Тимошку:

– А тебе не трудно ходить в такой вот... как её... ну, в этой рубашке, не запинаешься?

Мальчик не ответил. Мишка ел хлебец, и казалось ему, что ничего дотолле не ел слаще, и нет на земле счастливее человека, чем он. На улице люди угощали друг друга освященным медом. Все были счастливы, радовались, смеялись, и колокольный звон лился над церковью, домами, речкой и лугами. Солнце светило ярко-ярко!

* * *

Дедушки не стало 14 августа 1992 года, в день Медового Спаса. На этом моё повествование о дедушке завершено. Осталось только назвать заслуги дедушки. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1946 года он награжден медалью «За добросовестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; в 1948 году – медалью «За трудовое отличие»; в 1955 году от Министерства угольной промышленности СССР – Почетной грамотой.

Сын его трудился на шахте и теперь на пенсии. Внук Николай до отъезда в Германию тоже работал на шахте. Настя вышла замуж за шахтера. Люба стала моей супругой. О себе же скажу, что первое моё образование шахтерское. Сам я прихожусь внуком того машиниста по имени Алексей Степанов. Как моего дедушку, так и Михаила Кузьмича в живых не застал. На этом с вами и расстаюсь. Будем жить!

Р. С. Как хорошо, что в России появилась традиция выходить на главную площадь в День Победы с портретами отцов, сражавшихся на фронте или потрудившихся в тылу. Эта традиция получила название «Бессмертный полк». Вот и мы нашли фотокарточки Михаила и машиниста Степанова и сделали из них наш семейный транспарант и теперь выходим на демонстрацию. Это наши святыни! И мы ими дорожим. Мы смотрим на них, а они взирают на нас.

